

Марк Соколянский

«Веки веков»

(триумф Жаботинского-романиста в Германии)

В своё время Виктор Шкловский вспоминал, как Маяковский, смакуя и обыгрывая известное речение из гоголевского «Вия», любил говорить: «Поднимите мне веки веков».¹ Ассоциация с этой остроумной фразой возникает, когда сталкиваешься с редким, но отнюдь не случайным явлением в диалектике литературных вкусов: как будто приподнимаются «веки веков», открывается то, что прежде не бросалось в глаза, и художественное произведение, когда-то почти не замеченное, со временем, казалось бы, полузабытое, спустя чуть ли не столетие неожиданно выходит «на поверхность» и более того — оказывается в центре критических и читательских интересов.

Написанный на русском языке роман Владимира Жаботинского «Пятеро» впервые был издан отдельной книгой в Париже в 1936 году, спустя одиннадцать лет его переиздали небольшим тиражом в Нью-Йорке, а затем на добрых полвека исчез он из поля зрения читателей в русскоязычном мире. У израильского издания, состоявшегося в 1990 году, читательская публика была в количественном отношении достаточно ограниченной. Подлинное возвращение Жаботинского к широкой аудитории состоялось уже на пороге нового тысячелетия. Только на *малой родине* писателя, в Одессе, появилось несколько разных изданий романа.² Спустя ещё несколько лет «Пятеро» *заговорили* на основных европейских языках.

© Mark Sokolianskii, 2013.

© TSQ № 45. Summer 2013.

¹ Виктор Шкловский. О теории прозы. — М.: Сов. писатель, 1983. — С. 251.

² См., напр., иллюстрированное и прокомментированное издание: Владимир Жаботинский. Пятеро. (роман). Иллюстрации художника МАД'а. Изд. 2-е, с комментариями и пояснениями. — Одесса: Optimum, 2003.

В 2005 году в Соединённых Штатах Америки вышел в свет перевод романа на английский язык.³ Прошёл год, и в Париже увидел свет французский перевод книги.⁴ Наконец, на рубеже 2012 и 2013 годов пришло это произведение и к немецкому читателю.⁵

Издано оно было в престижной книжной серии «Другая Библиотека» (Die Andere Bibliothek), основанной в 1985 году видным немецким поэтом, драматургом и публицистом левого направления Гансом Магнусом Энценсбергером. Интерес этой серии к русской словесности XX века оказался довольно устойчивым. Достаточно вспомнить, что среди её изданий были переводы книг Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой телёнок» и «Одноэтажная Америка», «Воспоминания террориста» Бориса Савинкова, эссеистика Николая Бердяева и пр. Обращение «Другой библиотеки» к творчеству Владимира Жаботинского, думаю, не следует объяснять соображениями исключительно идеологического характера; скорее всего в основании этого интереса лежала сугубо эстетическая мотивация.

Автор перевода романа «Пятеро» на немецкий язык Ганна Мария Браунгардт и переводчица стихотворных фрагментов Екатерина Лебедева отнеслись к своей задаче вдумчиво и творчески. Немецкоязычный читатель получил возможность познакомиться не с приблизительным *переложением* и уж тем более — не с *вариациями на темы* написанного более трёх четвертей века тому назад произведения, а с полноценным **переводом**.

Переводчице удалось проникнуться духом времени, восприняв произведённого в романе, и пониманием исторических, жи-

³ Vladimir Jabotinsky. The Five. A Novel of Jewish Life in Turn-of-the-Century Odessa. Translated from the Russian by Michael R. Katz. — Cornell Univ. Press, 2005. См. подробнее об этом издании: Марк Соколянский. Уроки одного перевода // *Toronto Slavic Quarterly*, № 26, 2008.

⁴ Vladimir Jabotinsky. Les Cinq. Traduit du russe par Jacques Imbert. — Paris: éditions de Syrtes, 2006.

⁵ Vladimir Jabotinsky. Die Fünf. Roman. Aus dem Russischen übersetzt von Ganna Maria Braungardt. Die Lyrik wurde übersetzen von Ekaterina Lebedewa. — Berlin: Die Andere Bibliothek, 2012. (Ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках).

тейских и речевых особенностей того города, где происходит действие. (Об осознании авторами немецкого перевода и издателями роли Одессы в формировании художественного мира романа говорит уже воссоздание плана города на форзаце и обложке книги). У Жаботинского речь каждого из персонажей, будь то один из членов семейства Мильгром, рассказчик-хроникёр (*alter ego* писателя) или эпизодические действующие лица, окрашена неоспоримой индивидуальностью, и Ганна Мария Браунгард в значительной мере смогла воссоздать это характерное речевое разнообразие, передав, как правило, не только прямой смысл диалогов и тирад, но и окрашивающие их «контрастные эмоции»⁶. К тому же, в прозе Жаботинского ощутим определённый, обладающий своей семантикой ритм, и, к чести переводчицы будь сказано, она этот ритм услышала и небезуспешно перевоссоздала на немецком языке.

К первостепенным удачам перевода следует отнести работу Екатерины Лебедевой, переведшей (не *переложившей!*) стихотворные вкрапления в текст повествовательно-прозаического произведения. Конечно, с цитатами из классиков русской поэзии дело обстояло полегче: нужно и можно было просто отыскать уже существующие и принятые немецкие переводы. Труднее было со строчками из ещё не переводившихся стихов самого Жаботинского (например, с последней, экспрессивной строфой стихотворения «Piazza di Spagna», цитируемой автором в начале и в конце романа), а уж особенно — с эпиграммами и шутейными стихами одного из персонажей — Сергея Мильгрома. Чего стоит одна его песенка о «лаврике», переполненная лексическими, фонетическими и грамматическими *одессизмами!* Насколько сложна эта задача, можно судить по сравнительно недавно опубликованным английскому и французскому переводам, где в этих фрагментах переводчиков преследовали едва ли не самые тяжкие промахи; однако же и судить их строго за то, что, откровенно говоря, не дались им переводы таких фрагментов, вряд ли кто из специалистов станет: что трудно, то, действительно, трудно. А вот Екатерине

⁶ Выражение Б. М. Эйхенбаума. (См.: Б. М. Эйхенбаум. «Мой временник»... — СПб.: Инапресс, 2001. — С. 529).

Лебедевой переводы стихотворных вкраплений удалось сделать значительно точнее и тоньше.

Раз уж разговор зашёл об особенностях одесской речи начала XX века, являющихся одним из самых заметных факторов стилистического своеобразия романа Жаботинского, здесь и у переводчика основного, прозаического массива текста, задача была, прямо скажем, не из лёгких. К примеру, как можно передать речевое своеобразие иронического замечания Серёжи в разговоре с рассказчиком-хроникёром из двенадцатой главы: «...Жаль огорчать хорошую мужчину...». Как воспроизвести на немецком эту заданную «неграмотность» в согласовании форм прилагательного и существительного, не утратив ни смысла, ни юмора? Вот и пришлось переводчице, пожертвовав комическим эффектом, дав поневоле пресный перевод: „mir leid tut, einen guten Mann zu enttäuschen...“ (91).

Возьмём другой пример. Встречается в восьмой главе романа жаргонное слово «задрипаный», которого, по шутливому замечанию Жаботинского, «кажется, нет ещё и в последнем издании словаря Даля». ⁷ Переводчица поступает вполне рационально, передав это слово с помощью курсивной транслитерации — *sadripanny* (63); однако, проигнорировав процитированное выше упоминание писателя об отсутствии сего слова в толковом словаре Даля, даёт в пояснении помету «guss». Употреблённое жаргонное слово никак не характерно ни для русского литературного языка, ни для простонародной речи на большей части России; стало быть, и помета должна была быть иной. Другой пример — обращение персонажей-простолюдинов к Серёже «Сирожка» передаётся иногда литературным именем «Serjoshka» (17), а в другом случае — транслитерацией «Siroshka» (181) с примечанием: «украинское ласкательное имя от полного — Сергей». Это, конечно, неточность: украинское ласкательное имя — Сергійко, а «Сирожка» — бесспорный *одессизм*.

Кстати, и с искажёнными украинскими словами и выражениями у Марии Ганны Браунгардт тоже возникли отдельные затруднения. К примеру, в восьмой главе оригинала говорится о дворнике, что он «одчинял фортку» (*форткой* Хома на-

⁷ Владимир Жаботинский. Пятеро. Указ. соч., с. 50.

зывает калитку); в переводе читаем: «öffnete die Pforte» (без кавычек), и полностью стирается своеобразие просторечья. Справедливости ради, можно заметить, что в рецензируемой работе таких промахов значительно меньше, чем в недавних английском и французском переводах романа, но всё же они случаются.

Как ни странно, немалые трудности вызвала у переводчицы передача одесских и не только одесских топонимов. Многие названия — и это вполне логично — передаются с помощью транслитерации: Jekaterininskaja, Kolontaewskaja, Sobornaја-Platz и т. п. Однако почему-то этот принцип не выдерживается полностью, и тогда возникают на страницах романа разнородные словосочетания: Richelieu-Strasse (Ришельевская улица), Puschkinstrasse (Пушкинская улица), Die Rote Gasse (Красный переулок), а в главе о Петербурге даже Wassili-Insel (Васильевский Остров). Дюковский сад превращается в Stadtgarten (13), и можно подумать, что речь идёт о Городском саду — совершенно ином месте черноморского города. На той же странице известный район Одессы *Фонтаны* становится почему-то «Фонтанкой» (Fontanka), и растерянный читатель может подумать, что действие внезапно перенесено в Санкт-Петербург. На одной и той же странице (253) ближайшая к Одессе узловая железнодорожная станция Раздельная фигурирует то как Rasdelnaja, то как Rasdel'noje. Ресторан Робинà⁸ превращается в Kaffehaus Robin (77, 176).

И уж полное недоумение может вызвать трансформация названия главной улицы города — Deribassowka (стр. 39, 74 и пр., вся 10-я глава). Никто и никогда не называл так «небрежно» Дерибасовскую улицу, а уж тем более Владимир Жаботинский, для которого Дерибасовская — «королева всех улиц мира сего»⁹. Откуда, из каких источников почерпнула переводчица этукую странность? Вообще возникший в этой связи вопрос об источниках её знакомства с одесским идиолектом вполне закономерен. В комментарии упоминается лишь один-единственный источник (?) — выложенная в Интернете

⁸ См. о нём: Ростислав Александров. Торг обильный. — Одесса: Optimum, 2002. — С. 87–88.

⁹ Владимир Жаботинский. Пятеро. Указ. соч., с. 59.

книга некоего Валерия Смирнова с не очень грамотным названием «Одесский язык» — сочинение, располагающееся весьма далеко за границами научности.¹⁰

Что касается комментариев в рецензируемом издании, то они в большинстве своём точны и уместны. Более того — здесь прокомментирован целый ряд имён и понятий, оставленных без пояснений не только в английском и французском переводах, но и в новейших русских изданиях. Правда, не вполне привычна двойная система примечаний: с блоком таковых, вынесенным в конец книги, сосуществуют и немногочисленные постраничные примечания. Полезность и удобство такой системы наверняка можно подвергать сомнению, но, думается, что имеет она некоторое право на существование: ведь, не за каждой справкой захочется читателю всякий раз отправляться в конец тома, хотя, с другой стороны, отяжелять чуть ли не каждую страницу огромным массивом примечаний тоже вряд ли было бы целесообразно.

Не желая чрезмерно раздувать справочный аппарат, создатели книги, однако, оставили за пределами своего внимания целый ряд понятий, названий, имён, которые стоило бы хоть лаконично прокомментировать для немецкого читателя. Так, например, в кратком примечании наверняка нуждаются имена поэта Е. А. Баратынского (220), популярного в России начала XX века целителя П. А. Бадмаева (170) и некоторые другие. Почему-то вовсе без перевода оставлены французские и итальянские слова, употреблённые писателем в оригинальном тексте. Не помешал бы, наверное, комментарий к переводу строчек из стихотворения Жаботинского «Серенада на кладбище» (220).

При общем положительном впечатлении от корпуса примечаний нельзя всё же не заметить допущенных неточностей и даже ошибок. В первом же комментарии (261) один из основателей Одессы адмирал Иосиф Михайлович Дерибас назван «неаполитанским генерал-майором». Здесь вкралась явная

¹⁰ Лингвистические (условно говоря) опусы этого автора получили однозначно негативную оценку в трудах профессиональных краеведов и языковедов. См., напр.: Е. М. Степанов. Російське мовлення Одеси. — Одеса: «Астропринт», 2004. — С. 9.

ошибка. В молодости Дерибас (сын испанца и шотландки) успел побывать на военной службе в неаполитанской гвардии, где дошёл до чина **майора**; его последующая военная карьера происходила уже в России. Называть автора романа «Пятеро» *гебраистом*, как это делается на стр. 268, навряд ли можно: он основательно овладел ивритом, активно пользовался им как оратор, публицист и даже переводчик, однако же специалистом по этому языку, древнееврейской литературе и культуре не был и сам себя таковым не считал.

Генрих Цшокке был, строго говоря, не «немецким» (266), а немецко-швейцарским писателем и теологом. Присутствие имени А. С. Пушкина в ряду авторов петербургского журнала «Северный вестник» (265), издававшегося в конце девятнадцатого столетия, выглядит по меньшей мере странным. Имя одного из персонажей Самойло Козодоя снабжено на странице 38 таким примечанием: «russ.: Ziegenmelker»; слово это является переводом фамилии Козодой, но сноска-то отнесена не к фамилии, а к имени, и даже эрудированный немецкий читатель вполне может предположить, что такова этимологическая семантика **имени** (Vorname) «Самойло».

В главе «Инородец» упоминается, что мать Алексея Руницкого была «смолянкой»; в переводе читаем: «die Mutter, aus Smolensk stammend» (72), — а это означает: «мать, родом из Смоленска». Между тем, «смолянка» в данном контексте означает совсем иное: воспитанница Смольного института благородных девиц. Есть ещё несколько случаев не вполне точного перевода или транслитерации отдельных слов. «Виноградный зал» *Литературки* становится на странице 17 *Винным залом* (Weinsaal); очевидно, точнее было бы употребить слово Weintraubensaal. Населённый пункт *Серогозы* переименован в Серогазы (Serogasy). Греческое (по происхождению) слово «ареопаг» выглядит в переводе как «Аеоропаг» (139). Впрочем, не исключая, что в последнем случае мы имеем дело всего лишь с обидной опечаткой.

Об этих неточностях стоило сказать уже потому, что многие из них могут быть исправлены при возможном переиздании романа. О такой вероятности говорит чрезвычайный успех рецензируемой книги у немецкого читателя. На протя-

жении нескольких месяцев фигурировала она в числе бестселлеров на совсем не скудном немецком книжном рынке. Литературные обозреватели популярнейших немецких газет, включая «Die Welt», «Frankfurter Allgemeiner Zeitung», «Frankfurter Rundschau», «Die Zeit» и др., опубликовали развёрнутые рецензии на книгу, приветствуя сам факт знакомства широкого немецкого читателя с «одним из талантливейших русских прозаиков». На гребне этого успеха серия «Другая Библиотека» анонсировала готовящееся издание романа Жаботинского «Самсон Назорей» в переводе той же Ганны Марии Браунгардт.¹¹

С несколько припозднившимся триумфом Жаботинского-прозаика в Германии и других западных странах переключается также пересмотр отношения к его наследию и в России. В московском издательстве «Академия» готовится к выпуску двухтомник «Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х гг.»¹², во втором томе которого появится и глава о прозе Владимира Жаботинского. По сути, это первый случай, когда творчество крупного писателя пусть со значительной временной задержкой, но всё же встроено в общую историю русской литературы его времени.

И в заключение припоминаются строчки поэта, семантически *рифмующиеся* с его же словами, вынесенными в название этих заметок:

Бывает выбросят не напечатав не издав
Но слово мчится подтянув подпруги
Звенит века и подползают поезда
Лизать поэзии мозолистые руки.¹³

¹¹ Vladimir Jabotinsky. Richter und Narr. Roman. Aus dem Russischen von Ganna Maria Braungardt. — Berlin: Die Andere Bibliothek. По-немецки роман называется «Судья и шут», поскольку так был он озаглавлен в первом переводе, имевшем место ещё в издании 1927 года, не успевшем тогда получить широкую известность из-за назревавших и свершившихся через несколько лет роковых перемен в политической жизни Германии.

¹² Русская литература XX века: 1930-е — середина 1950-х гг. В 2-х тт. Том 2. Под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого, М. А. Литовской. — М.: Академия.

Сказанное о поэзии, вполне соотносимо это суждение также с историей значительных произведений художественной прозы и их восприятия читателями разных поколений.

¹³ Владимир Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 тт. Т. 10. — М.: ГИХЛ, 1958. — С. 186.